

СОВЕТСКИЙ РЕЖИССЕР — ДЕТЯМ ГДР

Выдающийся театральный деятель, руководитель известной во всем мире берлинской «Комише опер» Вальтер Фельзенштейн пригласил в свой театр для постановки оперы Владимира Рубина «Три толстяка» главного режиссера Московского государственного музыкального детского театра Наталию Сац. Наш корреспондент попросил Н. Сац рассказать читателям о предстоящей работе.

— В 1967 году я осуществила постановку «Трех толстяков» в Московском государственном детском музыкальном театре. Премьера его прошла с большим успехом, и по сей день спектакль идет на нашей сцене. Но один и тот же ребенок не рождается дважды. Сейчас предстоит большая новая работа над сценическим воплощением «Трех толстяков» силами труппы «Комише опер». Ведь у каждого артиста своя творческая индивидуальность. И это не безразлично режиссеру, как бы точно он ни знал, чего он хочет добиться, решая тот или иной даже хорошо известный ему образ.

В театре Вальтера Фельзенштейна сцена оснащена сложной театральной техникой. Выразительно и ярко могут засверкать здесь «чудеса» известнейшей сказки Юрия Олеши. Значительное увеличение состава оркестра по сравнению с тем, которым мы располагаем в своем театре, возможность использования в ролях мальчишек и поварят участников постоянного детского хора

«Комише опер» — все это, несомненно, способствует обогащению фантазии постановщика. Но, переосмысливая уже найденное мной в московском спектакле, который я очень люблю (простите за откровенность!), я понимаю — главное не в этом.

Главное — новый адресат — берлинские дети, восприятие которых чем-то отличается от реакции наших московских ребят, главное — новое место постановки. И к каждой новой творческой встрече с новыми зрителями, мне кажется, режиссер должен найти свой «золотой ключик».

Однако одно остается в любом сценическом прочтении: влюбленность в литературный первоисточник — в сказку Юрия Олеши, стремление донести до любого зрителя ее дорогие нам идеи, ее аромат. Это остается навсегда.

Главный драматург театра доктор искусствоведения Курт Зеер переводит на немецкий язык либретто С. Богомазова, дирижер Вильгельм Фойтман работает над партитурой, советский

художник Э. Змойр — над эскизами оформления постановки. В начале октября в Берлине соберутся все участники будущей постановки. Я начну беседу примерно так:

— Сказка «Три толстяка» написана Юрием Олешей более сорока лет назад. Нам близок ее революционный романтизм, горячая вера в силы народа. Увлечательный, богатый неожиданностями сюжет этой правдивой сказки сочетается героикой, юмором, лирикой, фантастику.

Если мы сами не найдем увлекательных, тонких штрихов для воплощения сказки может получиться приземленно, почти агитка. Такое сгубило многих, кто прикасался к «Трем толстякам».

Сказка крылата, и если мы не поднимемся на крыльях нашей фантазии, не увлечем ребят, мы потеряем самое главное — дух романтики, поэта Юрия Олеши. Ковер-самолет — чудесная музыка Владимира Рубина — с нами.

В первый раз я прочла сказку «Три толстяка» давно. Она для меня сразу зазвучала музыкой, хотя тогда еще, конечно, не было партитуры Рубина. У Олеши звучат эмоции, в особом ритмах живут образы, музыка — в словах.

Я часто наслаждаюсь гармонией

ее его словосочетаний: он — поэтично, гармонически сочетающий краски и звуки. Когда Юрий Олеша услышал оперу Владимира Рубина «Три толстяка», он сказал: «Постепенно я стал забывать, что маленькая актриса из балаганчика, рискующая своей жизнью, чтобы спасти народного вождя, и канатоходец, потушивший гигантский фонарь на площади Звезды, и доктор Гаспар Арнери, изучивший сто наук, принадлежат в какой-то степени и мне. Они все уже были не комбинацией красок, как прежде, а комбинацией звуков. Отсюда и рождалась их новизна, позволяющая мне без какого-либо укора в самовлюбленности восхищаться ими».

Атмосфера влюбленности в музыку, в сюжет той оперы, которую мы задумали поставить, я верю, создается: и Юрий Олеша, и Владимир Рубин стоят этого.

Как я буду говорить? По-немецки. В тридцатые годы я ставила в «Кроль опере» Берлина «Фальстафа» Верди. Дирижировал знаменитый Отто Клемперер. Конечно, волнению не было предела. Говорила я тогда по-немецки плохо, стеснялась этого. Попыталась начать репетиции с переводчиком, и... контакта с труппой не получалось. Чувствовала себя

«человеком за стеной». Общие слова вне их образной выразительности (а именно она в переводе обычно ускользает) не обладают действенной силой. Между режиссером и артистами не может быть «третьих лиц». Думая так, я начала грызть гранит немецкого ногами. Результат был хорошим. Наш «Фальстаф» имел большой успех. Окрылило. Теперь говорю по-немецки свободно.

В шестидесятые годы в «Комише опер» мне довелось проводить концерт для детей. В программе были «Петя и Волк» Сергея Прокофьева, «Синяя птица» Ильи Саца, «Путеводитель по симфоническому оркестру» Бенджамина Бриттена. Тексты можно было выучить наизусть, а вот беседы о композиторах и, главное, ответы на вопросы детей — этого раньше не выучишь. Тем более радостно было, что с ребятами ГДР мы тогда поняли друг друга.

Сейчас надо добиться таких же контактов в постановке «Трех толстяков». Мысль, что в театре, где идут блистательные спектакли, осуществленные Вальтером Фельзенштейном, будет поставлена детская опера советского композитора, очень греет.

Уверена, что рождение детской оперы на сцене этого замечательного театра поведет к тому, что многие оперные труппы Европы и Америки широко откроют двери своих театров не только взрослым, но и детям.